

Тарковский Андрей

29.12.99

171

● ОГЛЯНИСЬ

Известия. - 1999 - 29 дек. - с. 8

В отсу́тствие возду́ха

Вспоминая Андрея Тарковского

Станислав КОНДРАШОВ

А где мое грядущее?
Бог весть.

Арсений Тарковский

За долгую жизнь журналиста-международника у меня скопилось немало записей, относящихся, в частности, к переходным перестроечным годам, которые оказались переходными — пока неясно, правда, к какому будущему.

В стихотворной строчке, из-

бранной эпиграфом, Арсений Тарковский задается вопросом о непроницаемости времени — генеральным вопросом любого человека и народа, всего человечества. «А где мое грядущее?» Тогда он не знал, что переживет своего сына, а сын его, Андрей Тарковский, не предполагал, что умрет раньше отца — и где? — в Париже.

Первой из отобранных записей я предпосылаю не публиковавшееся ранее письмо Андрея Тарковского, которое, конечно же, представляет свой собст-

венный, особый интерес (сегодня — годовщина его смерти). Письмо это, написанное в деревне Мясное, где у него был редко посещаемый и очень дорогой сердцу дом, он отправил мне с оказией в Вашингтон. Тогда я работал там корреспондентом «Известий».

Мы познакомились в конце 60-х благодаря незабвенному Коле (Николаю Владимировичу) Шишину, моему другу со студенческих лет. И стали близкими друзьями, хотя Андрей расхожее слово «дружить»

предпочитал более обязывающее, вековечное, библейское — «любить». Письмо я предаю огласке с другой целью — чтобы обозначить тему «человек и государство, народ и государство» в лице ранее существовавшей и сейчас по-новому, еще неопределенно складывающейся системы.

«Гнивая чушка» тоталитаризма не поперхнувшись «слопала» талантливейшего, умнейшего и честнейшего человека, выдавив его за границу и затем лишив советского гражданства,

потому что он публично потребовал «воссоединения» с сыном и тещей (жене Ларисе уже разрешили быть с ним). Из крайности в крайность...

Да, Тарковский был бы свободен теперь в своих перемещениях, в естественном праве быть с близкими, но трудно не согласиться с Алексеем Германом, что иным сегодняшним кинодельцам он был бы так же не нужен со своим постижением жизни, как был невыносим для вчерашних «руководителей культуры».



70-е годы. Москва. Дружеские вечера в ресторане. Слева направо: Андрей Тарковский, Николай Шишин, автор

«В общем, что тут говорить...»

10 марта 75

Мясное

Дорогой Стас!

Прости — до сих пор не успел написать; здесь не только наша российская лень и безалаберность; тут и сплошные сложности, которые можно было бы назвать киносложностями, если коротко.

Картину («Зеркало») я с трудом сдал начальству, и малой кровью, т.е. без оскорбительных заплата или, наоборот, вставок, которых настоятельно добивался от меня Ермаш (или просто — Ермак Тимофеевич). Тем не менее тираж мизерный — видимо, они решили прокатывать «Зеркало» вторым или третьим экраном. Как «Рублева» — или еще хуже. Оценили картину (деньги за постановку) как второсортную — 2-я категория.

Приезжал Бесси — директор Каннского фестиваля. Весной прошлого года Ермаш обещал ему картину на фестиваль 75 г. Обещать обещал, даже слово давал, а тем не менее категорически отказал в «Зеркале». Бесси дико обиделся (его можно понять) и отказался от участия Советского Союза в фестивале. Правда, им была совершена тактическая ошибка: при разговоре с Ермашом он гарантировал: «Зеркалу» — главный приз фестиваля. А этого-то они и бо-

ялись как огня. Если бы Бесси говорил, что наша картина провалится на конкурсе, все было бы в порядке.

В общем, что тут говорить! Что касается моей следующей постановки (имеется в виду «Идиот» Достоевского), то, кажется, выйдет, потому что Ермаш выразил мысль о том, что «Тарковский упрямый и все равно будет делать то, что хочет».

Я поинтересовался, почему в таком случае со мной студия не заключает договора. Директор студии не ответил.

Короче говоря, все эти мои перипетии — вариации одной и той же темы, всегда остающейся неизменной.

Тут недели две тому назад я был в Ленинграде, где в театре им. Пушкина (бывшей Александринке) мне предложили ставить «Гамлета» — а это моя давнишняя мечта.

15.III. еду в Ленинград. Хочу познакомиться с труппой. И если она будет не в самом катастрофическом виде — соглашусь на это мероприятие.

Ну, хватит обо мне — хотя нет, забыл тебе рассказать, что мы с Ларой получили новую квартиру на Мосфильме, которая, правда, мне очень не нравится по причине своей стандартности и плохого качества в смысле постройки...

Лариса все время не очень хорошо себя чувствует.

А я пишу тебе из деревни, где Тяпа с бабушкой. Тяпа все время мешает и рвется из солидарности с отцом поставить под этим письмом свою подпись.

Как твои дела? Скоро ли в Москву? Как чувствует себя сыночек? Что Клара? Может быть, тебе удастся написать несколько строчек?

Огромное спасибо за роскошный календарь. Он до того прекрасный, что до сих пор я не решаюсь его начать. Наме-реваюсь писать в нем во время постановки «Гамлета» (если она будет).

Я очень часто думаю о тебе и всегда с чувством огромной радости, оттого что живешь во мне неподдельное и веселое чувство по отношению к тебе, чувство, которое помогает мне и жить, и быть человеком. Это большая для меня удача, что мы с тобой познакомились.

Обнимаю тебя, поклонись Ларе и поцелуй Колю.

Андрей ТАРКОВСКИЙ

P.S. Ну вот — Тяпа наконец прорвалась:

ТАПА

P.P.S. 20 марта

Вернулся в Москву. С «Гамлетом» откладывает-ся. Пока. Что это значит, пока неясно. С «Идиотом» пока ничего. Боюсь, что откажут.

Слопала-таки своего поросенка

2 января 1987 года, Пахра

29.12, в понедельник, в напряжении кончал статью «Год истины», когда вдруг позвонил Коля Шишин и сказал, что в полученной на Старой площади из Парижа депеше сообщается: Лариса, жена Андрея Тарковского, связывалась с советским посольством, он в реанимации, просил выразить признательность, что последнее время показывали его фильмы. Вечером, смертельно уставший, пришел домой, не успев сообщить Ларе эту весть, как, умытаясь, услышал из ванной, что она с кем-то разговаривает. И понял — речь идет о сообщении, что последнее время показывали его фильмы. Вечером, смертельно уставший, пришел домой, не успев сообщить Ларе эту весть, как, умытаясь, услышал из ванной, что она с кем-то разговаривает. И понял — речь идет о сообщении, что последнее время показывали его фильмы.

30.12 вечером у нас помянул с Колей Шишиным Андрея. Но разговор быстро перешел на другие темы, как будто смерть ожидалась (и в самом деле), как будто он — страшно! — навсегда уехав почти пять лет назад, был для нас уже похоронен...

Эти дни все время думал о его судьбе. Лучшее всего подоживает те мысли одно из по-

следних, дышащих обреченностью, предсмертных писем Блока: «Слопала-таки поганая, гнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка».

По иронии судьбы, в силу страшных причудливых совпадений нашей хроники, когда умирал или уже умер Андрей, объявили об уходе на пенсию Ермаша, одного из воплощений чушки для него, Андрея.

У Тарковского был страшный выбор, при котором и так и сак проигрываешь и погибаешь: поставить впереди родную землю и русскую культуру, из которой он вырос всем существом своим, и при власти чушек похоронить свой талант и не исполнить свое назначение на земле; или остаться там, на чужбине, в надежде, что назначение это будет исполнено, но похоронить при этом пути возвращения на Родину, к тому, что любил и ради чего существовал. Думал ли он, надеялся ли, что обойдется без «похорон»? Но они, похоже, были суждены в обоих случаях (хотя в начале 1982 года он не знал, что в 1986-м лед тронется). Не это ли называется греческой трагедией, неизбежностью конца при любой раскладке?

Со своим цельным талантом, исключаящим художественные компромиссы и уме-

ние, м.б., нелишнее, лавировать и не сжигать мостки, он был обречен. Сравни с другим, казалось бы, похожим — Андреем Кончаловским-Михалковым. Тоже тесным чушканием, он раньше Андрея кинулся за границу — под сень Голливуда, но с большими ресурсами приспособляемости и с папой за спиной, помогавшим, должно быть, сохранить советский паспорт и возможность приезжать «домой», приглядываясь к ситуации...

Я понимал выбор Андрея, но и нас, близко знавших и любивших его, он поставил перед выбором, казалось бы, искусственным, но, учитывая обстоятельства нашей жизни, увы, непреклонным — и связи с ним, заграничным, оборвались.

Как тот же Блок говорил о Пушкине (и о себе): его убило отсутствие воздуха. Отсутствие и у нас, и там. Российского воздуха, российского отклика на его талант не было и быть не могло.

И вот в эти дни борьба — внутренняя и, однако, жуткая — за то, чтобы похоронить его в Москве. Но силы, увы, неравные — мертвым телом распоряжается вдова, и права невелики — на то, чтобы принять и приветствовать мертвым того, кого отталкивали и вытолкнули живым.

10 марта 75
Мясное

Дорогой Стас!

Прости — до сих пор не успел написать; здесь не только наша российская лень и безалаберность; тут и сплошные сложности, которые можно было бы назвать киносложностями, если коротко.

Картину («Зеркало») я с трудом сдал начальству, и малой кровью, т.е. без оскорбительных заплата или, наоборот, вставок, которых настоятельно добивался от меня Ермаш (или просто — Ермак Тимофеевич). Тем не менее тираж мизерный — видимо, они решили прокатывать «Зеркало» вторым или третьим экраном. Как «Рублева» — или еще хуже. Оценили картину (деньги за постановку) как второсортную — 2-я категория.

Приезжал Бесси — директор Каннского фестиваля. Весной прошлого года Ермаш обещал ему картину на фестиваль 75 г. Обещать обещал, даже слово давал, а тем не менее категорически отказал в «Зеркале». Бесси дико обиделся (его можно понять) и отказался от участия Советского Союза в фестивале. Правда, им была совершена тактическая ошибка: при разговоре с Ермашом он гарантировал: «Зеркалу» — главный приз фестиваля. А этого-то они и бо-

P.S. Ну вот — Тяпа наконец прорвалась:

ТАПА

P.P.S. 20 марта

Вернулся в Москву. С «Гамлетом» откладывает-ся. Пока. Что это значит, пока неясно. С «Идиотом» пока ничего. Боюсь, что откажут.

Автограф Андрея Тарковского